

Дмитрий Рысолов

Каменный ангел

Дмитрий Пустошило

Каменный ангел

«Издательские решения»

Пустошило Д.

Каменный ангел / Д. Пустошило — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834092-5

Эта книга является результатом синтеза расчлененных анализом образов и видений, неотрывно сопровождающих нашу жизнь. Лирический герой «Каменного Ангела», полностью отвергая устойчивую иллюзию реальности, предпочитает обращать свой внутренний взор в прошлое, наслаждаясь короткими мгновениями покоя. Но повседневность не готова так просто отпустить свое дитя. Противостояние между мечтами о ушедшем и современностью создаёт каменного ангела — оболочку, с тоской наблюдающую за исчезающей в небе душой...

ISBN 978-5-44-834092-5

© Пустошило Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Разговор со Зверем	8
Явление	8
Больные дети	9
Каменный ангел	10
Говорят...	10
Ожидание	11
Поэт и муза	12
Приглашение	13
Скажи	14
Болезнь	15
Рождение	16
Мой скорбный ангел темноты	18
Галатея	20
Аромат	21
Волчица	23
Мои новые чёрные крылья	25
Гробница	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Каменный ангел

Дмитрий Пустошило

© Дмитрий Пустошило, 2016

© Вася Лисицина, дизайн обложки, 2016

© Алина Карташова, иллюстрации, 2016

Корректор Алексей Куценок

ISBN 978-5-4483-4092-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Не каждый умеет петь...» Строчка у Есенина. Что значит «уметь»? Признание. Наверное. Но, нельзя говорить об этом со всей убежденностью. Поэзия – форма сублимации, выплеск внутренней энергии в искусство. Поэт затрагивает вечные темы своей музыки, болезни души и тела, двойственности себя самого, несчастной любви, бунтарских выходов. Описания тоски, одиночества, брэнности, разочарования в жизни, зачастую являются основными темами поэта. Художники, воспевающие в стихах жизнь и мироздание, встречаются куда реже, чем меланхоличные созерцатели. «Каждый пишет, что он слышит... Как он дышит, так и пишет, Не стараясь угодить» – слова московского барда с Арбата. Хорошо, если у творческого человека отсутствуют предрассудки, ограничивающие его в процессе создания. Не так часто молодой поэт выходит за рамки ребячьей игры со словами, вроде «любовь-морковь» и притянутых рифм. Возможно, в поэзии Дмитрия, читатель найдёт что-то схожее с творчеством «проклятых поэтов», как бы удивительно это не звучало. Читатель ничего не потеряет от этого знакомства, но вполне способен кое-что обрести.

Если поэзия Артюра Рембо, Поля Верлена и Шарля Бодлера вам нравится больше, чем стихи Чарльза Буковски, Джека Керуака и Гэри Снейдера, тогда, скорее всего, творчество Дмитрия вам тоже придётся по душе. Сам не знаю, почему, но после прочтения нескольких его стихотворений, я захотел открыть и полистать роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери». Хочу отметить, что поэт пишет не в какой-то одной плоскости. Я имею в виду то, что темами для его трудов могут стать совершенно разные и полярные вещи. Например, четверостишие:

«Возносим мы к небу пустые слова:
Все ценности древней молитвы забыты.
Иконы покрыла густая зола,
Сосуды души без печали разбиты».

Понятно, что в данном случае, автор говорит о пустоте, о бессмысленности, о своеобразной богооставленности мира. Возможно, что-то из этого может отсылать нас к позиции Альбера Камю, несмотря на то, что поэтом он не был. В стихах присутствует абсурдистская и иронично-смирная нота, допустим:

«Гниль – королева сырых подземелий,
Страшную дань с наших тел собирает.
Космоса даль и простор диких прерий
Прахом с намокших страниц оседают.

Плач об Ахилле, проклятья Медузы,
Мир ваш покинут, увы, навсегда.
Лишь переплётов дрожащие узы,
Горько обнимет сырая вода».

Не исключено, что Бодлер похлопал бы по плечу Дмитрия. Не факт, конечно, но и не исключено. Возможно, где-то в параллельной Вселенной или за книжной полкой, как в фильме «Интерстеллар», происходит именно это.

Человеческая жизнь не так уж и важна, на самом деле. Многие согласятся, что человек-это венец природы и всё в этом духе. Несомненно, скорее всего, так и есть. Но в масштабах

планеты и всего мироздания в целом, во всём этом гигантском и необъятном пространстве, до сих пор ничтожно исследованном и не покорённом человеком, он сам – не более, чем сотая часть песчинки на берегу мирового океана.

«Нет одиночества страшнее, чем твоё.
Рождаясь в вихре песнопений урагана,
Сетует на земное бытие
Душа недремлющих просторов океана».

Видите? Не только брэнность и пустота, не только бедственное положение и пустая цена проклятой души поэта содержатся в поэзии Дмитрия. В вышеупомянутом четверостишии выражено громадное уважение к стихии, к действительной владычице мира. Что такое одиночество человека, если сам океан одинок? Что есть наше смешное и жалкое земное бытие по сравнению со страшной толщей иссиня-чёрной воды, помнящей этот мир таким, каким он был изначально?

«О как же дорого далась та гениальность
Что пронизала вскоре все мои творения!
Вот только наша ли была эта реальность,
Или всего лишь тень другого измерения?»

Мне тягостно поэтом быть ничтожным!
Великим уж, наверное, не стать.
Я прикоснулся ночью к тайнам невозможным,
И лишь о страхе впредь могу писать...»

Каждый писатель считает себя гениальным. Естественно. Кто из художников не уверен в том, что он есть уникал, одарённый свыше и пришедший в этот скорбный мир для высшей цели и святой миссии? Пока рано расшвыриваться громкими словами о будущем рассматриваемых стихов, но всё-таки это не какой-то там бракованный материал третьего сорта. Время, только время станет всему и всем судьёй. Только оно, для каждого из нас и для каждого из того, что нас с вами окружает.

Несомненно, для многих читателей эти стихи будут сложными и непонятными. Или же будут понятными, но трудными для восприятия с первого раза и, поэтому, отложенными в сторону. В этом нет совершенно ничего удивительного. Не стану преувеличивать, если напишу о своего рода статности, элитарности, избранности поэзии Дмитрия Пустошило. Вряд ли его тексты запомнятся с первой строчки и смогут сразу же врезаться в память, потому что это не какие-то пустые, срифмованные на коленке и придуманные на ходу частушки. Маловероятно, что его стихи будут петь под гитару на кухонной попойке или в переходе метро. Не знаю, как именно поэт работал над своими произведениями, сколько времени он им уделял, долго ли морщил лоб в погоне за нужным словом и хорошо ли спал по ночам, зная, что стихотворение не закончено, но как бы там ни было, хочу сказать, что его стихи – достойная похвалы вещь. Прочитайте их хотя бы для общего развития, а что делать дальше – смотрите сами.

Роман Ходосов

Разговор со Зверем

Явление

Рычание грозное раздалось на до мною,
Но не угроза в нём- одно негодование:
Мир неизменен и нет места под луною,
Где не коснулся бы нас перст очарования.

Твой гордый облик мне явился в лунном свете
И жизнь ответами без слов преобразил.
Подобно рухнувшей с небес огнём комете,
Ты тайной мудростью сознание исказил...

Больные дети

Откуда ты явился, зверь прекрасный?
И чьим велением послан ты сюда?
Позволь пройти с тобой,
В сей хмурый день, напрасный,
Что жаждет человеческого стыда.

Взгляни, вон люди скверные столпились,
Тела чьи язвами греха поражены.
Они за всех родных, их бросивших молились,
Что роскошью благой окружены.

Лишь среди них я чувствую свободу
И не боюсь к отверстым ранам прикоснуться.
Ведь знаем мы с тобой их истину, природу:

То ангелы, что смертными желали обернуться!
Мне эту тайну рассказали на рассвете
Бредущие, сквозь сон, больные дети.

Каменный ангел

Говорят...

Говорят, что едва человек появится на свет-
Зажигается в небе дыханием звезда.
Отчего же моей среди них ещё нет?
Мне ответ на вопрос не найти никогда.

Дождь шептал ненароком
О странных планетах,
Где вся жизнь проходила в заоблачном сне.
Может встречу я истину в бледных рассветах,
Или спутник судьбы не подобен звезде?

Я устал уж гадать и утратил все силы,
Словно скорбный мертвец испытал боль сполна,
Слившись с сумраком бездны забытой могилы...

Я ещё разве жив? Может, только едва.
Пусть не мёртв, не живой- всё же горе напрасно,
Ведь сулит мне судьба только то, что ненастно.

Ожидание

Сожалений не приемлет одинокая душа,
Укроти её попробуй- словно дикий як лягнётся!
Обходи её дорогой лучше тихо, не спеша,
Твоя ласка только болью застарелой обернётся.

Разве может быть ужасней,
Посмотри, печальный взгляд,
Чем улыбка мёртвой плоти,
Что полна всегда участия?
Лишь одна беда являет миру истинный наряд,
Разноцветно же обличье
Лжи исполненного счастья.

Легкомысленней и слаще на земле напитка нет,
Но, испив его однажды,
Без него уж жить не сможешь.
У неё, взгляни на вены, ломка длится много лет,
Ты своим невинным сердцем
Только жажду растревожишь.

Утешений не приемлет проигравшая душа.
Пыльный путь, забытый всеми,
Принесёт лишь унижение...
Ах, оставь её несчастный!
Ведь она, в грязи дрожа,
Ждёт не слов немой поддержки,
А из праха воскрешения.

Поэт и муза

Я не черпал вдохновения
Из природной красоты,
Мне неведомы сомнения
Жизни брэнной суеты,
Ведь кому луна сулила
Музу повстречать в тоске, —
Вдохновение явится
Лишь от смерти в волоске.

Не узнать и не увидеть, как она приходит в ночь,
Только вдруг сомнения, горе,
Исчезают тихо прочь.
И тогда могильный камень,
На груди что уж лежит,
Не придавливает ставень, а до слёз меня смешит!

Моё призрачное счастье уж не ведает границ,
Вновь нахлынут все ненастья
Только с заревом зарниц,
Но покуда нету солнца и далёк стальной рассвет,
Мы с тобою, из колодца, создаём в мирах просвет.

Лишь поэту ночной музой
Прежде всех времён дано,
Разрывая плоти узы, падать птицею на дно.
Пусть смеются, презирают
Лишь за то, что он один,
Его муза не оставит, – он Вселенной господин!

Приглашение

Мы гордимся своей опьяняющей болью,
Распростёртое сердце неся на показ
Угощаем гостей своей порченой кровью —
Приходите, друзья, любоваться на нас!

Прикоснитесь к величию падшей души,
Что раздавлена грузом погибших надежд.
Не поспоришь, увы, мы среди вас хороши,
Ваша скорбь недостойна печальных одежд.

Посмотрите в глаза, в них застыл призрак смерти,
Отражением в тёмных глубинах зрачков.
Повстречали ли вы, как и мы, в круговерти,
Сети древних ловушек седых паучков?

Их клыки, словно копья, пронзали тела,
Наполняя нас сладким, пронзительным ядом,
Что, сжигая души устремления до дна,
Опадали на землю большим снегопадом.

Заходя в наш альков свои бледные драмы
Оставляйте снаружи – они не новы.
И любуйтесь на сердце покрывшие шрамы:
Мы страдали, поверьте, куда больше чем вы.

Скажи

Скажи, добрался ли до цели,
Велел ли ты сыграть туше,
Когда закрылись, с криком, двери,
В твоей таинственной душе?

Ты к звёздам позабыл дорогу,
Желая сердце изменить.
Мечтая позабыть тревогу,
Ты разучился всех любить.

Разрушив храм в немой тиши,
И претерпев метаморфозу,
Остался впредь один в глуши,

Вкушая времени угрозу,
Что шепчет о грядущем дне,
Когда слова замрут в огне.

Болезнь

Пронзило перо тёмно-синие вены,
Смочив наконечник отравленным соком.
Что может быть лучше чернилам замены?
Питая страницы кровавым потоком,
Рука, вся дрожа, слова в строки вплетает,
Пока летописец от ран умирает...

Поэт, вечно в поисках дремлющей музыки,
Усталость и страх в тёмной бездне таит.
Вновь песни поёт, пока сорваны узы,
А разум в огне тёмной страстью горит.

Желая согреться в пучине мечтаний,
Ты искрой огня засияешь в ночи.
Среди света звёзд и немых причитаний
Пронзительным голосом скажешь: «Кричи!

Кричи, пока сердце гореть не устало,
Смеясь в чёрной бездне, больная душа!
Пока вдохновение вдруг не пропало,
Пронзай пером вены, надрывно дыша.
Создай то, что времени бег пресечёт,
Пока кровь рекою сквозь тело течёт!»

Рождение

Я сам судьбы своей непризнанный ваятель,
И если верить вам – отъявленный предатель,
Что взглядом, полным таинств палача,
Пронзает детский ум и сердце без меча.

И убеждать в обратном вас не смею
Нельзя, поверьте, злобу правдою тушить,
Я воспарю над тёмным миром, пламенея —
Там вы не сможете всех песен заглушить.

Когда же, отоцав от голодания,
Вы не найдёте крови хрупкого поэта,
Взглянув на небо в ярости камлания,

Ослепнете от льющегося света.
Где, словно птица, выпав из гнезда,
В огне рождалась новая звезда.

Мой скорбный ангел темноты

*Найдя тебя во мраке ночи,
Мой скорбный ангел темноты,
Я в дар тебе преподношу
Свои кровавые цветы.*

Немой тоской сулил мне рок,
Терзать себя все те мгновения,
Когда наступит горький срок,
И мир окутает порок,
Являясь тайной в сновидения.
Но я не в силах наблюдать,
Как души вновь пленяют очи,
И заставляют проиграть!
Отныне мерзко им внимать,
Найдя тебя во мраке ночи.

Храним был вечною луной
И не бросался в исступление,
Открыв средь сумрака покой.
Ты был единственный герой,
Кто выбрал смерть, а не забвение.
Мне не познать твоей печали,
Но гибель кроткой красоты,
Узрев во сне, мы промолчали,
Когда все радостно кричали,
Мой скорбный ангел темноты.

Твой чёрный стан был белоснежен,
Но это было так давно!
Когда мир стал, как свет, безбрежен,
Ты уж скитался, безутешен,
Узнав, что всё предрешено.
С тобою встретившись в руинах,
Под гнётом страха – не дышу,
Что прежде жили на картинах,
Теперь же пали на могилах,
Я дар тебе преподношу.

Пусть же станет он усладой
Для каждой брошенной души,
И одаряет пусть прохладой,
В тоске заслуженной наградой,
Твои святыя миражи.
Дары в ночи питали слёзы...
Устав от вечной слепоты,
Глаза взрастили в прахе розы,

Но я дарю отнюдь не грёзы, —
Свои кровавые цветы.

Галатея

Когда я шёл дорогой ночи,
Оставленный в ненастье другом,
Сражённый горестным недугом,
Мне свет луны явили очи!
С тех пор скитаться нету мочи,
И стало впредь тому порукой
Сиянье глаз священных мукой...

Какая боль в Вас поселилась,
И как сковала немощь тело?
Лишь я касался рук несмело, —
Оно вдруг камнем становилось,
И сердце девичье не билось,
Храня в молчании благородство,
Скрывая в нём своё сиротство.

Мне вашу душу не понять!
Ведь в ней, извольте убедиться,
Куда уж легче заблудиться,
Чем необъятное объять.
Никто не сможет боль унять!
И слёзам не дано пролиться —
Им сложно в камне появиться.

Я здесь оставлю Вас, сеньора,
Но не забыть мне скорбных глаз,
Что горше самых грустных фраз,
Являют силу их укора.
И удаляясь от Собора,
Я обернусь, на краткий миг,
Расслышав камня тихий крик...

Аромат

Аромат томно-терпкий горящей свечи
Неприметною дымкой во мраке витает,
Превращая листы старой книги в ключи,
Что врата в царство грёз пред тобой открывают.

Мне во сне не дарила столь чудных видений
Муза нежной рукой, недоступной, мечты,
Как часы над страницами сладостных бдений,
Под крылом иллюзорной ночной красоты.

Я дорожками в сказку ведущими строк
Тихо шествовал, запах волшебный вдыхая,
Пока пламень гореть не устал, изнемог,
Освещая мне путь светлым праздником Рая.

И во тьме очутившись в который уж раз,
Я вздыхаю прискорбно – Ведь снова один,
В глубине неизведанных, призрачных фраз
Исчезает с огнём моих грёз господин.

Он сокроется в вычурном храме страниц
И забудется в крепком, чарующем сне.
Пока блики огня не коснутся темниц,
Призывая его на прогулку ко мне.

Мы поднимемся с дымом свечи в небеса,
Чтоб оттуда с восторгом забвенным узреть,
Как из книги восстанут эпох чудеса,
Начиная нам сказки волшебные петь.

Волчица

Мы жидкостью алой наполним сосуды:
Зачем нам нужна эта горькая кровь?
Забудь как во сне все свои пересуды,
Лишь жертвенной пищи вновь жаждет любовь.

Алтарь чёрных роз и немых угрызений —
Постамент для ложа кровавого зверя.
Чья плоть породила огонь преступлений,
В глубинах глазниц неизбежна потеря.

Багровый туман полных голода глаз
В тебе вожделения зов пробуждает.
Рождая в душе первобытный экстаз,
Что голосом нежным печаль воскрешает.

Как сладостна мука коварных свершений,
Подобно волне неизбежна потеря,
Когда цепь звенящей петлёй поражений
Сомкнётся на горле глумливого зверя.

В рабу моей воли, волчица страданий,
Тебя обратила лишь чёрная кровь.
Я жажду как прежде всех сладких терзаний
Тебя отпуская на волю, любовь.

Но лишь оскал красной разверстанной пасти
Склонится над пеплом мятежной души,
Как гневные вихри клубящейся страсти
Развеют твои полных грёз миражи.

Кровавый зверь боли, ты снова со мною,
Прикованный цепью алеющих роз.
Не бойся, мой милый, испей лучше крови-
Я полную чашу с собою принёс.

Мои новые чёрные крылья

Спасибо за ненависть, верный мой друг,
Ты щедро меня чёрной желчью поил.
Взрадив в тайных недрах болезни недуг,
Что жажду страданий души утолил.

Колодец иссохший, просивший воды,
Лишь горечью слёз всякий раз наполнялся,
Когда я бросался в объятья беды,
Когда средь костров от любви задыхался.

Взгляни же теперь, о презренный предатель,
На черные крылья за хрупкой спиной!
Их выковал ты, озлобленный ваятель,

Своею жестокой и скверной рукой.
Не зная о том, что огонь поражений
Меня закалял средь жестоких сражений.

Гробница

Небесный свод, как занавес, от нас
Скрывает чистоту погибших поколений.
Но средь бесчисленного множества мгновений
Мы не стремимся к тайнам мира воздеть глаз.

Секреты мироздания скрываются какие
От алчных взоров обитателей гробницы?
Чьи опущены тяжелые ресницы,
От света пряча помыслы нагие.

Когда померкнет день, безумно хохоча,
Протянут к небу скрюченные пальцы
Неведомых глубин немые постояльцы,
Что присягнули кодексу кровавого луча.

Все ужасы проклятий вырождения
В их странном облике зверей обличены.
Они с рождения судьбой заключены
В оковы страсти жаждой вождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.